

САША ГОРОДИЛОВ

ЕКАТЕРИНБУРГ-СОТИ-
РОВОЧНЫЙ

Саша Городилов

Екатеринбург-Сортировочный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70606174

SelfPub; 2024

Аннотация

Екатеринбург-Сортировочный: если не на карте мирового масштаба, то в стихах Саши Городилова найдёшь это место. Поздоровайся со своим соседом. Он тоже поэт, как и ты. Необязательно работать над словом на бумаге, а в современном мире на каком-нибудь гаджете. Современность... А здесь понимаешь не только ровесников, но и тех, кто постарше лет на двадцать. Они расскажут, вот увидишь. Понимаешь, что живёшь также. День пройдёт, и ты знаешь, что напишешь про него что-нибудь, пусть даже если он был дрянным. Для повзрослевших.

Саша Городилов Екатеринбург- Сортировочный

1

В Екатеринбурге сыро.

Дядя Петя не просох,
словно коврик у квартиры.

Многоградусной росой
прочищает организм свой,
сигаретками дымит.

Он считает, будто призван
превышать любой лимит.

Дядя Петя, ты не сталкер.

Вижу, как при свете фар

забирает на каталке

дядю Петю катафалк.

2

От того, что привиделась всякая дрянь,

на рассвете проснулся в холодном поту.

За окном – Сортировка и грязь ноября,

одинокий фонарь незаметно потух,

участковый на деньги развёл гопоту.

Номера телефонов неспешно сверял,

просмотрел, перебрал рюкзаки у двоих,

выгонял их с детсадовских старых веранд,

одного до отдела повёл конвоир,

а другой из компании сразу свалил.

Убегает от стаи бездомных дворняг
по ноябрьской слякоти пара пьянчуг
прямиком к трансформаторной будке, во мрак:
им такая война поутру чересчур.

Я зашторю окно. Я смотреть не хочу.

3
Зайди в подъезд в районе Билимбаевской.

Не помню номер дома – вроде бы тридцатый,
там между третьим и четвёртым нацарапан
одиннадцатизначный номерок ватсапа.

Ни в коем случае звонить не пробуй даже.

Займёмся средним мы арифметическим:

сначала сумму этих чисел вычисли

и подели её на их количество.

По-моему, доступно объяснил, дружище?

И если, может, вычислить не смог мгновенно,
не приведи господь спросить аборигенов.

Иные категории в умах богемы.

Что делать, ведь число твоё не без остатка?

В любую сторону ты смело округляй,
покинь подъезд и обогни толпу гуляк.

Вот гастроном. Зайди, не думай о рублях.

Возьми чего-нибудь съестного – сытый если,

купив воды, ищи трамвай или автобус.

Ах да, трамваи тут не ходят. Кто бы

решился тут пускать трамвай? Но ты попробуй

найти наземный транспорт с номером, который

с таким трудом добыли мы в подъезде мрачном.

Садись в него. Настаивай: проезд оплачен.

Решит, что псих, и отойдёт кондуктор-мальчик.

«Что дальше?» – спросишь ты, а я не ведаю.

На Бебеля пускай тебя везёт мотор.

Рисунок города давно не нами стёрт.

Считай, сегодня оказался ты хитёр,

раз действий логику не понял тут никто.

Выползают из шуб и тугих гимнастёрки,
избавляются к марту от выбитых стёкол.

Каблучок поострее, и ворот расстёгнут -
по весеннему снегу шагает Настёна.

В запрещённых сетях выбирают мишень,
у торговика с главного встретятся в шесть.

Ах, зачем и куда ты, Настёна, спешила?

К лесопарку за городом мчится машина.

На морозе горят покрасневшие щёки.

Победить в догонялки, и будем в расчёте.

Покурить втихаря у разбитой шестёрки
и обещанный час возвращения прощёлкать.

В половине десятого тут, в гаражах,
малолеток в багажники будут сажать.

Так зачем вы стремились казаться большими?

К лесопарку за городом мчатся машины.

По каналам, конечно же, снова Рязанов,
престарелая мама салат нарезает,
точно всё понимает, ведь мама незлая.

Через пару часов обещает Оксана
возвратиться домой. «Я люблю тебя, зая!»

Поджидает такси у подъезда к шести.

В свете фар золотая коронка блестит.

Но улыбка водителя будет фальшивой:

к лесопарку за городом мчится машина.

5

Заборчик бетонный с колючкой.

Братва продаёт метанол.

Их ценник настолько закручен,

что стоит пройти стороной.

Табачными воздух отравлен

продуктами. Пепел на лёд.

Летит над болотом журавлик,

вот-вот, погляди, упадёт

от слабости или от горя.

Блатные мотивы убавь:

народу не надо героя.

Провинция нынче груба:

торгует братва фенибутом,

сгружает избытки в подвал.

На личике пьяном как будто

улыбка, ведь он продавал.

Заборчик с колючкой бетонный

затем, чтоб никто не сбежал

в забытые богом притоны

и принял бы смерть от ножа.

6

За гаражами кирпич,

рваные детские шортики,

надпись «паскуда, терпи»

буквами крупными жёлтыми,

кресло, покрышки, ведро,

куколки старые девичьи,

спички, железо, гудрон,

кучи поломанной мелочи,

ржавые прутья, скелет

тумбочки старенькой, панцирной

койки остатки, реле,

что своровали со станции,

бочки, канистра с водой,

свёрнутый трубкой линолеум,

кружки, тряпьё, ободок,

велосипед обездоленный,

тапки, гитара без струн.

Смотришь на это и просто так

вдруг наступаешь на труп

пьяной фантазии господ.

Дерево – способ укрыть

в трещинах счастья иллюзию,

чтобы изъяны, бугры

пощекотали нам пузико.

7

В одиннадцатом доме шум и гам.

Выходит из подъезда парень в гипсе,

за ним компания. И вот бугай

в задумчивости сильной говорит всем:

«Именно в этом же дворике как-то

мы выпивали в компании шумной.

Дело клонилось уж ближе к закату.

Думаю, дай-ка девчонок спрошу я.

Что они думают, если останусь

я на ночёвку? Без приставаний.

Память уже подводила местами.

Помню, сперва с предложением к Ване

я подошёл и от скуки избавил

лучшего друга, спросил между прочим:

«На ночь остаться с девчонками вправе

мы этой лунной и пасмурной ночью?»»

Бугай замолк, задумчиво дымя.

Мизинец одинокий был обмотан.

«Я тут недавно хоть, ведь я пермяк,
но чувствую себя в родном болоте», -

так начал он, до фильтра докурив,
и бросил мимо мусорки бычок свой.

Сквозь куртку даже бицепс был бугрист.

«Продолжу, – он сказал. – Слегка обжётся.

Ваня ответил, подумав секунду:

«Это же классная мысль, братишка!

Нам ли с тобою такую-сякую

ночь пропустить эту? Договоришься?»

Девочек звали Катюша и Женя.

Я подхожу к ним с моим предложением:

«Девочки, слушайте, может, уже нам..?»

И характерным движением в шею

тычу. И что бы вы думали, парни?

Девки рассказывать начали бойко:

на Таватуйской их дом самый крайний.

Нас безбоязненно звали с собою».

И вдруг на полуслове он замолк,

провёл по волосам рукою жёсткой,

в рассеянности трогал он замок

на куртке и сказал опять: «Обжётся.

Вечером поздним мы шли к Таватуйской,
взяли бухла: энергетик и водку.

Только и помню, что боль после хруста,
дальше пробелы сплошные и только».

Замолкнув, шла компания за ним.

Он выглядел совсем теперь героем.

Горел огнём вечерний магазин.

Их было трое, друг, их было трое.

8
Снег поутру ноздреват.

Выбьет витрину рубанок.

Станут стекло разбивать

граждане Узбекистана.

Била в лицо пятерня,
делая мужа покорным.

Бегал от стаи дворняг
опохмелившийся дворник.

Мрачный несохнувший двор.

Парни глотают подшипник.

Всё это ради того,
чтобы казаться большими.

Ты их, маманя, запри:
пусть поиграют в компьютер.

Сесть у подъезда на шприц

проще простого по сути.

Оштрафовали за вонь,

незаконенный выброс

местный исетский завод.

Суд наказание вынес.

«Краденый велосипед

ищут уж года четыре», -

дядя в наколках сипел,

выпив четвёртый фунфырик.

Лезет в такси мужичьё

в мятых рубашках навывпуск,

но в гастрономе учёт:

после восьми им не выпить.

За гаражами пустырь,

место кровавых побоищ.

Только не вздумай грустить

и забирать их с собою!

9

Так вот он, уральский фольклор,

когда, не спросив никого,

с баяном на лавке в трико

ликует толпа выпивох.

Ну что ж, не радуется?

Да я подвину шкаф.

Была украдена
судьба-судьбинушка.

Не чует беды трубадур:
заплатят гроши за латунь,
допьют и в кусты упадут.

Ты только, смотри, не блатуй.

И пусть финансово
не преуспели мы -
пойдём с авансика
да купим пенного.

Наркотики ищет примат.

По ним не скучает тюрьма.

Уйдут по УДО задарма

в уральский неласковый май.

Не петь частушки нам

да не приплясывать.

Лопатой рушим наст

борьбы межклассовой.

10

Вышли из двора быки.

Полторашки, как доспехи,

по пакетам. Ты прикинь:

раскидаешь сразу всех их?

Пляшет под окошком скот.

Меланхолию продвинет

наш райончик заводской.

В нём, наверное, любви нет.

В нём всегда всё как-то так:

близко Шеремета ракурс.

В небе кто-то рокотал,

предвещая утром драку.

Может, просто повезло?

Тут неделю уж дождей нет.

Утром оказалось: взлом

без телесных повреждений.

На балконе окна тру

мокрой тряпочкой от пыли.

У подъезда снова труп.

Молчаливый у толпы лик.

11

Мой район архипелаг.

Ввязываться не хочу -

просто дуй, и нахер план,

романтизм и эту чушь.

Надрывай свою гортань,

встанем мы под кипарис.

Полусладким зааркань,

а потом возьмём по три.

Выпускаешь сквозь ноздрю,

привкус слишком горьковат.

Этот сумасшедший трюк
спать уложит не в кровать.

Глядь, и полночь утекла,
в перспективе только сон.

Одинокий спит баклан.

Умываемся росой.

12
Подъезд. Бутылку продырявь,
потом в окошко выкинь гильзы.

На покрывале января
я ни о чём не говорил с ней.

Что Саша – местный краевед,

прознали полрайона махом.

Звоночек в домофон – ответь,
чтоб не сходили там с ума хоть.

Мы поздно поняли изъян,
допив последнюю на кухне.

Конечно, это не Кизляр -
производитель бормотухи.

Шероховатостью подошв
следы оставили в сугробе.

Мне говорили: пропадёшь
на Сортировке и угробишь
кроссовки фирмы «Adidas».

Шагаю мимо бомжеватых
господ. «Ну что же, господа?
За деньги не переживайте».

И начался иной кураж:
допита пятая бутылка.

Мы бодро крикнули: «Ура!»

Да будет свет, как говорил Кант.

13

Задумаешься, встав на проходной,
башкой тупую скуку ощутив,
что первым стал, пожалуй, лишь в одном:
не превратился в этих прощелыг,

по рюмочным часами не висел,
чужим добром не набивал сервант,
родной завод свой на реке Исеть
ни разу в жизни не обворовал.

С годами сузился знакомых круг,
который был лет пять назад широк,
лишь ты, знакомый Екатеринбург,
его всегда встречал открывши рот.

На лавочку с тобой присесть позволь.

Закурим, может быть, с тобой давай?

Смотри: таджиков подошедший взвод
на неликвидный наседавал товар.

Ведь лучший друг твой тоже азиат.

По молодости сильно вы зажгли.

Чтоб пятницу смогли вы прозевать,

да никогда на свете – вот ваш гимн!

Так что ж сегодня ты тогда уныл?

Не радует (октябрь ведь добряк)

уютный свет октябрьской луны,

весёлый сумрак брата-октября?

Задумаешься, встав на проходной.

Обматерит бухой вахтёр-кретин.

Запомни: через пару взмахов дно,

но ты, герой стихов моих, лети.

14

В районе лесополосы

цветы густые.

Напротив зарослей густых

расцвёл пустырник.

Стоит одноэтажный дом,

и на баяне

наигрывает ноту «до»

старик. Заглянешь

в обшарпанный квадрат окна

и станешь мрачен.

Не растревожь, не доконай.

Играйте, старче.

На рынке тянут сотни рук

азербайджанцы.

Эмоции отсортируй

и шлёпай дальше.

По обе стороны забор

из черепицы.

Пойдём, возьму тебя с собой

на Пехотинцев.

Смотри, как с грохотом асфальт

скребёт бульдозер.

Водила выплюнет насвай,

ногой елозя.

Мигранты рыщут по кустам -

никто б не тронул.

Под вечер сядешь, подустав,

на блок бетона.

15

Дядя Петя шёл без шапки.

Вот обшарпанный фасад.

«Почему же он обшарпан?» -

думать Петя перестать

был не в силах. «Что ж такое

тут могло произойти?» -

думал Петя бестолково.

Петя, ты непрозорлив,
невнимателен, не тонок
разбираться в сих вещах -
для тебя кусок бетона,
как для многих здесь мещан,
вовсе ничего не значит.

Лучше мимо уж пройди,
посмотри в онлайн матчи,
сядь на алкокарантин.

16
Не ходи вдоль железнодорожных путей.

Обойди полотно за версту.

Я когда-нибудь вырасту – буду хотеть

отдыхать от смертельных микстур.

У киосков торговых из досок настил,
промышляет с перцовым мигрант.

Там ломается шея и палец хрустит -
побыстрее давай убегать!

Я поставил бы точку на жёлтой стене -
перебор на полу запятых.

У колышущихся на ветру простыней
я застрял – не успею к пяти.

Отделился от стаи зловещей шакал
и в испуге обратно нырнул.

Для того ли я сотни дорог прошагал,
чтоб у них оказаться в плену?

Убегают в барак, ускользают в сарай.

Разогнал полупьяных медуз.

Не горят фонари, мне до дома пора -

я по улице прямо иду.

17

Железная дорога, полотно.

Бездомные лохматые овчарки.

Допил одну, оставил на потом

литровую бутылочку початой.

Шагая вдоль заборов, не споткнись,

в потёмках не ступай на конский череп.

Не хочешь если стать героем книг,

тоскливых книг героем в час вечерний.

Забыв обиды детские, шагай.

Дорожка каменистая вихляет.

Герой обычно встретит тут врага,

но ты встречаешь только пень трухлявый.

Смотри: фонарь. Садись на этот пень,

допей оставшийся в кармане шкалик;

в другом кармане тоже есть – допей.

Таких героев точно вы не ждали.

Его среди развалин не ищи.

Пойдём в районы северо-востока.

Оставь в фонтане парочку вещиц

из магазинов «Zага» или «Стокманн»,

вернуться чтобы мордой на плакат,
со сцены чтобы почитать ворью там,
чтоб сонный житель местный не взалкал
от недостатка местной же валюты.

18

Пассажир уважаемый,
вас уже посажали всех.

Ты один-одинёшенек
в этом зале пустом.

Поменяться нам жанром бы
от тоски да безжалостно:
этой станции больше нет -
ты здесь даже не стой.

Неприглядный наш пригород,

где с девятого прыгает,

перепив, обезумевший

боевой офицер.

Кроме драки, тут игр нет,

и закладка – не в книгу им.

Без будильника будешь в шесть

благодарным, что цел.

19

«Игле не лги», – писал Роман

и сам, конечно же, не лгал им.

Его я книжку в закромах

найду с потёртыми углами.

Он тоже жил когда-то тут:
в районе улиц Волгоградской
и Амундсена. Поплетусь
до бара ближнего играть в скот.

Изрядно выпив, ты не блюй.

Сопровождаемый арабом
шагает по двору верблюду,
за ним пройдёт цыганский табор.

Вези меня отсюда, конь,
под звуки старенькой валторны.

Сегодня день, скажи, какой?

А час сейчас, скажи, который?

Закуски – разве что ломоть,
сойдёт и он под этот шкалик.

Хотя б к утру вернись домой,
хотя б неверными шажками.

Писал Роман: «Игле не лги».

Привычно веет ветер вешний.

Сидел на кухне, слушал гимн,
вину на гвоздики навешал.

20

Застряла соль в ноздре, свербит -
её подальше протолкну.

Хотел писать не о любви:

не вспомнил нынче ни одну.

Маячит за окном карга;

сосед дешёвыми смолит;

подросток выбежал рыгать

от полусладкого, и лифт

за стенкой где-то дребезжит.

От беззаботных поз и рях

влюбляюсь снова в эту жизнь,

с балкона искоса смотря.

21

Промзона. Лесополоса.

Идёшь усталый и сутулый.

Ну что ж, ты сделал выбор, Сань:

дорога вывела к братюне.

Ты лучше вновь поберегись,
ведь путь сквозь кладбище извилист.

Забор, и манит перегиб.

Южане-школьники резвились,

катаясь на ледянке с гор,

ломая о заборы слабых.

С востока веяло тоской,

а с запада подъехал майбах.

Воспользуемся планом «Б»

и обойдём снежок шершавый.

Тоскливым утром абсорбент

спасёт и мы уже решаем:

попасть бы снова в объектив.

Затем с промзоны выползаем,

чтоб ночью снова накатить.

Я мрачен, добр, импозантен.

2023